

ХАРЛАМПИЙ ЭМЕРЕТЛИ*

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «САМОУБИЙСТВО»**

Получено: 05.06.2023. Рецензировано: 27.07.2023. Принято: 09.01.2024.

Аннотация: В статье обсуждаются концептуальные рамки понятия «самоубийство» и дается его философское определение. Континентальная философия традиционно фокусировалась на аксиологический и практико-этической характеристике самоубийства; то есть рассуждения разворачивались вокруг вопросов о допустимости или недопустимости совершения акта самоубийства, опираясь при этом на некоторое априорное, интуитивно схватываемое определение самоубийства. Задача статьи — дать дефиницию и концептуализировать данный феномен в ходе полемики с современной аналитической философией суицида, которая прежде всего акцентирует свое внимание на прояснении теоретических оснований феномена. В частности, анализу подвергаются такие неочевидные в своем содержании понятия, как: намерение, принуждение, инструментальность, смерть. В статье оспаривается утверждение о концептуальной невозможности дать однозначное определение самоубийства, в процессе его строгого отделения от других видов смерти; определение самоубийства носит дескриптивный, а не оценочный характер, то есть, не постулирует априорную моральность или аморальность самого акта, его рациональность или иррациональность, оправданность или неоправданность. Обсуждаемое определение продуцирует важные логические импликации и характеристики самоубийства, которые могут противоречить нашим изначальным и культурно-обусловленным интуициям о феномене. Внятное теоретическое определение может оказать плодотворное воздействие на дальнейшую общественную мысль, социальную политику, медицину и законодательство в области суицидологии.

Ключевые слова: самоубийство, намерение, принуждение, предвидение, инструментальность, смерть.

DOI: 10.1723/2587-8719-2024-1-168-187.

ВВЕДЕНИЕ

История философии в ее континентальной традиции пронизана размышлениями о феномене и понятии самоубийства, которые содержат существенные расхождения в интерпретации. Феномен самоубийства, энigmatичность которого всегда сопровождалась его интенсивным влиянием на людей, находит свое отражение в трудах известных философов

*Эмеретли Харлампиий Савельевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), kemeretli@hse.ru, ORCID: 0009-0009-0421-3648.

**© Эмеретли, Х. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

(Hume, 1987; Locke, 1988; см. также: Stellino, 2020), социологов (Дюркгейм, Ильинский, 1994), религиоведов (Бердяев, 1992), политических мыслителей (Вессариа, 1995) и историков идей (Паперно, 1999).

Ситуация существенно изменила вектор полемики с развитием аналитической традиции в философии XXI века. Классическая мысль фокусировалась на аксиологический и *практико-этической* характеристике самоубийства; то есть главными были вопросы о том, как и почему человек может или не может совершать суицидальный акт, когда и по каким причинам он должен, а когда не должен делать этого. То есть, объемные рассуждения развертывались так, как если бы каждая из участвующих в дискуссии сторон априори знала, *что* такое самоубийство. Ответ на вопрос касательно дефинитивной природы феномена по большей части казался излишним в силу простоты понимания. Концентрация идей возникала вокруг тем смысла жизни, страданий, исторических, социальных и психологических факторов феномена.

Наоборот, современная аналитическая философия стремится дать сугубо *концептуальные* характеристики суицида: найти критерии, которые прочертят его границы и позволят отделить феномен самоубийства от других видов смерти и убийства. Внятное теоретическое определение может оказать плодотворное воздействие на дальнейшую общественную мысль, социальную политику, медицину и законодательство в области суицидологии.

Хочу начать с авторского определения самоубийства:

Самоубийством называется любой случай смерти, к которому приводит собственное поведение субъекта (*A*), реализуемое им в условиях, когда в данный момент «смерть себя» является для (*A*) абсолютно необходимым критерием удовлетворительности, либо успешности результата действия.

Это определение основывается на ряде важных тезисов:

Во-первых, критерием, который одновременно составляет *необходимое* и *достаточное* условие самоубийства, является *смерть себя*, когда она рассматривается субъектом в качестве результата реализуемого им действия. Это позволяет устранить из определения концептуальные и теоретические двусмысленности, которые делают его уязвимым для абстрактных примеров и контраргументов.

Во-вторых, необходимо убрать из определения такие понятия, как *намерение* и *принуждение*, которые аксиологически-двусмысленно перегружают его и продуцируют небеспорные и откровенно сомнительные результаты в понимании его сути.

В-третьих, купировать идею *инструментальности смерти*, то есть ситуации, когда смерть выступает как средство (инструмент), а не цель.

В-четвертых, предлагаемое определение *самоубийства* демонстрирует демаркационную линию между самоубийством и не-самоубийством. Таким образом, оно оспаривает утверждение о том, что понятие самоубийства является *открытым*, и для него невозможно собрать критерии (или критерий), формирующие достаточные и необходимые условия конечного определения.

Чтобы прояснить представленное определение самоубийства и раскрыть содержание указанных тезисов, необходимо развернуть последовательный анализ понятий.

«УБИЙСТВО СЕБЯ»

Когда мы рассуждаем о понятии самоубийства, то одним из первоочередных и самоочевидных критериев, лежащих в его основе, выступает понятие «убийство себя» (*killling oneself*). Американские философы Реймонд Фрей (Freu, 1990) Питер Виндт (Windt, 1980) и Теренс О'Киф (O'Keeffe, 1990) добавляют еще два рефлексивных описания смерти. Первое — обеспечение (создание условий) убийства себя (*getting oneself killed*), и второе — позволение убийства себя (*letting oneself be killed*)¹. При этом сочетание двух или каждого из трех описаний в одном событии не приводит к логическому противоречию. Допустим, человек вышел на автомагистраль и не стал уклоняться от приближающегося на высокой скорости грузовика. В этом случае он убил себя (выйдя на оживленную проезжую часть), обеспечил убийство себя (создал условия, встав на пути у автотранспорта) и фатально позволил себе умереть (отказавшись от инстинкта жизни).

Приведем возможные аргументы против использования дополнительных рефлексивных описаний смерти. Один из вариантов оппозиции этой точки зрения можно найти в статье Дэниела Хилла (Hill, 2011). Прежде всего, он выражает согласие с тем, что представленные рефлексивные описания самоубийства (смерти) существуют обособленно:

¹Я полагаю, что дополнительно *getting oneself be killed* можно рассматривать как «активное» вмешательство, а *letting oneself be killed* как «пассивное» бездействие. Стоит отметить, что разграничение между «активным» и «пассивным» поведением прорисовывается не столь безукоризненно, как это может показаться на первый взгляд. Так, о человеке, который объявил голодовку и не принимает пищу на протяжении длительного периода времени, едва ли можно сказать, что он «пассивен» и ничего не делает.

...в конце концов, мы понимаем [что имеется в виду], когда кто-то говорит: «У меня не хватает духу убить себя; я заставлю кого-нибудь другого убить меня» и т. д.; мы не отвечаем на это: «Вы сами себе противоречите»;

затем Хилл добавляет:

Но по тому же признаку [by the same token] разве не имеет смысла для кого-то сказать: «У меня нет мужества совершить самоубийство; Я собираюсь заставить кого-то другого убить меня»? И не предполагает ли это, что убить себя (*kill oneself*) все-таки необходимо? (Hill, 2011: 193).

Насколько это видно из анализа статьи Хилла, он показывает, что, так или иначе, решающим значением в акте обладает не *рефлексивное описание самоубийства*, но его непосредственное совершение конкретным лицом, принимающим на себя полную ответственность; а значит, в любом случае не будет ошибкой использовать фразу — убийство себя (*killling oneself*), в том смысле, что категории *обеспечения убийства себя* и *позволения убийства себя* не сообщают нам ничего нового о самом акте и поэтому являются бесполезными предпосылками анализа.

Мы можем возразить Хиллу, указав на относительную автономность актов обеспечения убийства себя и позволения убийства себя, а точнее, на наблюдаемую зависимость последних от дополнительных факторов, что отличает их от убийства себя.

При реализации *убийства себя* каузальная ответственность полностью ложится на действующего субъекта. Он может стремиться приблизить свою смерть, находясь под гнетом непреодолимых внешних обстоятельств любого рода, но именно его поведение играет решающее значение здесь-и-сейчас. Акт и результат образуют независимую замкнутую систему. Например, человек стреляет себе в голову и, как следствие, умирает.

Обратную ситуацию рисует *обеспечение убийства себя*. Тут для достижения смерти требуется не столько активность самого субъекта, сколько активность некоторой «внешней силы». Без нее намерение, желание или воля субъекта убить себя останутся невыполненными; другими словами, самоубийца не сформируется как субъект действия. Для человека, который вышел на автомагистраль, такой «силой» является любой вид транспорта, оказавшийся (с точки зрения субъекта) в нужный момент и в нужном месте.

Позволение убийства себя, в свою очередь, если и не обуславливается отдельным от поведения самого субъекта внешним воздействием, то

подразумевает его (субъекта) дополнительную вовлеченность. Например, человек, который хочет, чтобы его сбил автомобиль, должен не просто выйти на дорогу, но хотеть быть сбитым в течение неопределенного периода времени, обладая при этом потенциальной возможностью убежать с дороги в любую минуту.

Хилл приводит контрпример и говорит о так называемом самоубийстве с помощью полицейского (*suicide by cop*). Речь о ситуации, когда человек специально нападает на сотрудника правоохранительных органов с намерением погибнуть. По мнению философа, в этом случае, если полицейский применяет оружие осознанно (а не инстинктивно), то напавший на него человек не совершает самоубийство:

Более точным способом обозначения случаев самоубийства с помощью полицейского будет «спровоцированное-жертвой убийство» (*victim-precipitated homicide*) поскольку в этих случаях полицейский действует в качестве агента (*acting as an agent*), поэтому жертва не убивает себя.

А утверждение обратного обусловлено не «причинами концептуального анализа, но политическими причинами, призванными защитить „честных полицейских“ от клейма убийц» (Hill, 2011: 193).

Здесь прослеживается связь с идеями Сюзанн Штерн-Жилле. С ее точки зрения, самоубийство выстраивает собственную риторику, и когда мы выражаем свое отношение к тому или иному случаю смерти, мы одновременно выражаем свои политические взгляды². Несмотря на узость определения, Штерн-Жилле анализирует в действительности неоднозначные и неочевидные случаи смертей, которые неизбежно провоцируют разночтения в интерпретациях и которые обусловлены политическим элементом, а также негативными коннотациями самого понятия самоубийства. И я не думаю, что подход Штерн-Жилле можно использовать для анализа самоубийства с помощью полицейского в том

²Штерн-Жилле пишет о том, что самоубийство обладает практической функцией, а именно функцией приписывания ответственности (*responsibility-ascribing function*). По ее словам: «Эта практическая функция не является побочным дополнением, к так называемому дескриптивному значению понятия самоубийства, а составляет его неотъемлемую часть. Фактически, два аспекта, то есть дескриптивный и практический, оказываются в данном случае неразрывно переплетены». Риторика самоубийства проистекает именно из этой функции: «Если это действительно так, что назвать *X* самоубийцей, значит возложить на самого *X* основную ответственность за его или ее смерть, тогда вопрос о том, был ли тот или иной конкретный *X* самоубийцей, может стать предметом ожесточенных споров и затяжных аргументаций без „объективного“ решения в конце» (Stern-Gillett, 1987: 167–169).

виде, в котором его рассматривает Хилл. Потому что в этом случае человек не наделяет свое поведение открытым *политическим* содержанием, а значит не формирует объективные причины для переноса ответственности за его смерть на другое лицо или институт власти. Можно добавить, что многозначность интерпретации сопровождается случаями смертей, которые, по сути, санкционированы обществом.

«НАМЕРЕНИЕ»

Когда мы говорим о самоубийстве, то принимаем как факт, что субъект сознательно *выбирает* смерть, то есть умирает не из-за случайности или по глупости, но представляет ее (смерть) как цель и смысл конечного результата своего действия, вне зависимости от того, является ли он сам в физическом смысле причиной собственной смерти. Одним из наиболее важных понятий в этом контексте является *намерение* — убеждения и желания человека в отношении своего действия (Cholbi, 2021). Ричард Брандт (Brandt, 1990), Уильям Толхерст (Tollhurst, 1983), Гленн Грабер (Graber, 1981) и Майкл Чолби (Cholbi, 2011) рассматривают намерение в качестве дефинитивной характеристики суицидального акта. Однако здесь возникает ряд сложностей. Действительно, намерение вводит разграничение, которое устраняет из числа самоубийств (суицидального поведения) акты, лишь формально повышающие риск смерти, например работу пожарных или прыжки с парашютом. Но вместе этим намерение умереть, принимаемое в качестве необходимого условия самоубийства, неизбежно привносит в обсуждение вопроса логическую путаницу и проявляется в неоднозначности утверждений в работах отдельных авторов.

Обратимся к определению Дэниела Хилла: «(А) совершает суицид, выполняя акт *x*, тогда и только тогда, когда А намеревается убить себя, выполняя акт *x* (согласно описанию „я убью себя“) и это намерение полностью удовлетворяется»³. Из него изначально проистекают конкретные трудности, содержащиеся, например, во фразе «полностью удовлетворяется»⁴. Но я хотел бы остановиться на другом моменте,

³«A commits suicide by performing an act *x* if and only if A intends that he or she kill himself or herself by performing *x* (under the description 'I kill myself'), and this intention is fully satisfied» (Hill, 2011: 192).

⁴Хилл описывает такую ситуацию: к потолку с помощью веревки подвешен груз. Субъект А становится под грузом и собирается выстрелить в веревку, чтобы она оборвалась, а груз свалился ему на голову и убил. Хилл утверждает, что если А промажет мимо веревки, но пуля рикошетом от стены попадет ему в голову и все равно убьет, то это будет не самоубийство, но несчастный случай. Со ссылкой на Джона Сёрла, Хилл объясняет

который демонстрирует всю неясность понятия «намерение». Хилл отличает простое предвидение (*foreseeing*) смерти от намерения (*intention*) умереть. Субъект может заранее осознавать, что выполнение определенного действия приведет к нежелательному последствию, но это не обязательно означает, что он производит эти последствия намеренно. Хилл приводит более чем странный пример со шпионом. Он говорит, что если шпион, который попал в плен врага, глотает капсулу с цианидом, то он может делать это в стремлении стать недоступным для допроса и пыток и лишь предвидеть смерть, как следствие своих действий; то есть шпион не совершает самоубийства (Hill, 2011: 204). Но действительно ли в этом случае человек не проявляет намерение умереть? И если это так, то можем ли мы принимать отсутствие намерения за определяющее условие того, что смерть не является самоубийством? Хилл вынужден отвечать на оба вопроса положительно, в противном случае его определение самоубийства придется отбросить. Я попытаюсь привести несколько опровержений.

Первое — невозможно согласиться с тем, что в ситуации, когда достижение установленной цели требует убийства себя, человек не реализует намерение умереть. Один из подходов к опровержению этого тезиса кроется в том, что конкретный способ совершения смерти обозначен намерением убить себя именно *таким*, но не каким-либо другим образом. Например, финансист, потерявший все деньги из-за неудачной сделки на фондовом рынке, принимает решение выстрелить себе в голову из пистолета. В этом случае он не просто намеревается избежать необходимости жить в бедности и рассматривает смерть в качестве одного из этапов, но намеревается умереть конкретным способом (*A*), намереваясь таким образом достигнуть результата (*B*). Я не думаю, что намерение умереть определенным образом отделимо от намерения умереть как такового. Отсюда намерение шпиона сохранить молчание подразумевает

свой вывод следующим образом: «...дело не в том, что (*A*) имеет четыре отдельных намерения; скорее (*A*) имеет одно сложное намерение с четырьмя взаимосвязанными частями [выстрел (1), разрывание веревки (2), падение груза (3), убийство себя (4)], и это сложное намерение будет удовлетворено только в том случае, если удовлетворены его четыре части и факты, которые их удовлетворяют связаны друг с другом соответствующим образом». При этом, намерение (*A*) «полностью удовлетворится», только если произойдет последовательное выполнение этапов *x*, *y* и *z*. Но до какой степени мы должны следовать условию «полного удовлетворения»? Отвечая на этот вопрос, Хилл оспаривает свою позицию и заключает: «...„полностью удовлетворяется“ не следует воспринимать слишком буквально, это на самом деле несколько расплывчатое понятие (*vague notion*)» (Hill, 2011: 197–199).

намерение умереть, приняв капсулу с цианидом. Следовательно, шпион умирает посредством самоубийства. На это мне могут возразить, что шпиону, с одной стороны, в действительности все равно как умереть, а с другой, и именно на это обращает внимание сам Хилл, шпион просто использует единственный доступный в данный момент вариант устранения угрозы; другими словами, он не выбирал бы смерть, будь у него такая возможность, а значит шпион не намеревается убивать себя.

Второе мое опровержение заключается в следующем утверждении: намерения, достижение которых включает необходимость убийства себя, качественно отличаются от намерений, реализация которых безусловно убийства себя не требует. В то время как смерть включает в себя удовлетворение поставленной цели намерения, момент достижения цели совпадает с моментом смерти таким образом, что последняя замещает собой эту цель и фактически становится ей. То есть, выражение: «я намереваюсь заполучить x и знаю то, что для этого мне нужно сделать y » (где ни x ни y не являются *смертью*) кажется естественнее нежели выражение: «я намереваюсь избавиться от b и знаю то, что мне предстоит умереть»; во втором случае люди, скорее, формулируют свои намерения так: «я намереваюсь умереть, чтобы избавиться от b ». Стремление в определенных обстоятельствах убить себя, чтобы удовлетворить определенный запрос, подразумевает намерение умереть, а не просто предвидение смерти. В контексте смерти, как мне кажется, можно говорить не о предвидении, в значении пред-знания, но о некотором уловлении ее (смерти) гипотетической возможности, например, если я допускаю, что мои последующие действия могут повлечь за собой смерть, хотя не обязательно сделают это. Но в этом случае ни о каком самоубийстве речи не идет. С моей точки зрения, вопрос намеренной природы поступка не играет определяющей роли для определения самоубийства; смерть шпиона от яда в любом случае является самоубийством. Чтобы прояснить эту мысль стоит вернуться к предыдущим замечаниям.

Я полагаю, что ключевая особенность, на которую стоит обратить внимание, заключается не в разграничении события на предвидение смерти и намерение умереть, но в необходимости смерти как условия удовлетворительности или успешности действия. Когда в дождливый день я выхожу в магазин, то возможность промочить ноги не играет для меня никакой роли в том смысле, что если мне удастся каким-то образом этого избежать и я вернусь домой сухим, то недовольства произошедшим не возникнет. Наоборот, я буду рад тому, что ситуация

обернулась противоположным образом. Шпион из примера Хилла не может сказать того же, потому что намеченная им цель всецело опосредована необходимостью умереть и при конкретных обстоятельствах ее невозможно достигнуть иным способом. Если бы в нужный момент капсула с цианидом не оказалась под рукой или странным образом не оказала на состояние шпиона никакого эффекта, то для него такое стечение обстоятельств было бы препятствием на пути достижения желаемого результата и стало бы фатальным для него как субъекта действия. Поход в магазин и принятие цианида представляли бы собой два концептуально идентичных события, только если бы в первом случае мне было необходимо попасть под дождь и намочить свои ноги. Таким образом, я считаю возможным говорить о предвидении исключительно в ситуации, когда то, что мы, как утверждается, предвидим, обладает хоть и неизбежным, но не определяющим характером.

«ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ» СМЕРТИ

Понимание предвидения, которое использует Хилл, приводит к тому, что любая инструментальная смерть может быть описана как та, которая только предвидится, но не является предметом намерения⁵. Именно в этом заключается первостепенное препятствие на пути принятия тезиса Хилла. В своей статье он утверждает, что если бы у шпиона был выбор между смертельной капсулой с цианидом и таблеткой, которая вводит человека в состояние обратимой комы и позволяет дожидаться спасения, то вместо цианида шпион принял бы именно ее. Поэтому свою смерть шпион только предвидит, но не намеревается ее совершить (Hill, 2011: 204) Но ничто не мешает нам использовать его аналогию для других кейсов. Ведь если тот или иной случай инструментальной смерти допускает потенциальное наличие некоторого более предпочтительного варианта решения проблемы, который не предполагает необходимость для субъекта умирать, то он (вариант) только потому не выбирается субъектом, потому что у последнего в *данный момент* нет возможности его выбрать; а значит собственную смерть субъект только предвидит и в действительности не является самоубийцей.

В отличие от Хилла, который выводит свои утверждения только с помощью понятия намерения, Теренс О'Киф в своем анализе голодовки

⁵Например, (А) тяжело переживает потерю работы, не хочет жить без денег и принимает смертельную дозу снотворного. Следуя логике Хилла, мы можем описать его поведение таким образом: (А) намеревается принять снотворное и предвидит смерть. Вывод: (А) не самоубийца.

(*self-starvation*), несмотря на кажущуюся узость представленной концепции, открыто выражает убежденность в том, что инструментальные смерти самоубийствами не являются. Он пишет:

Мы могли бы считать, что, поскольку эти смерти в некотором смысле не были самоцелью, а способствовали [инструментально] достижению других задач и целей, их нельзя считать самоубийствами. Это позволило бы нам определить суицид как самоубийство, при котором первостепенное (*overriding*) намерение состоит в том, чтобы просто покончить с собой, и в действии нет никакой другой независимой цели. Назовем такие самоубийства не-инструментальными, чтобы отличить их от инструментальных самоубийств, в основе которых лежат другие цели, такие как героизм, спасение других, политический протест или что-то в этом роде (O'Keeffe, 1990: 127).

И хотя О'Киф в качестве не-самоубийств рассматривает только конкретные виды инструментальных смертей, его концепция представляет инструментальные смерти как принцип, а не только как частные кейсы. Поэтому она так же уязвима как и концепция Хилла. Предложенная в статье О'Кифа попытка разграничить инструментальные и не-инструментальные смерти не верна. Автор пишет, что субъект «истинного» суицида, если его воскресить, предпочтет вернуться в состояние смерти, в то время как инструментальный самоубийца такого желаяния не проявит. В качестве примеров он приводит смерти Капитана Уотса и священника Максимилиана Кольбе. Интересно, что любой пример инструментальной смерти, на защиту которого встает О'Киф, является морально положительным, а именно, вызывающим одобрение общества. Но инструментальные самоубийцы не всегда копируют реакцию не-инструментальных самоубийц. Воспользуясь изрядно странным дискурсом О'Кифа, можно сказать, что большинство *инструментальных* самоубийц, если их вернуть к жизни, обнаружат неизменными условия, которые подтолкнули их к смерти. Поэтому определения самоубийства, которые приводят Хилл и О'Киф, а точнее их понимание намерения, резко сужают область самоубийств, оставляя в ее пределах только не-инструментальные случаи смертей.

Эмиль Дюркгейм совершает противоположную ошибку. Он пишет:

Самоубийством называется каждый смертный случай, который является прямым или косвенным результатом позитивного или негативного действия, совершенного самим потерпевшим, при том, что жертва знала о том, что это должно привести к такому результату (Дюркгейм, Ильинский, 1994: 7).

Данное определение позволяет включать в число самоубийств смерти, которые обычно таковыми не считаются:

Солдат, идущий навстречу верной смерти, для того чтобы спасти свой полк, не хочет умереть, а разве в то же самое время он не является виновником своей смерти в том же значении этого слова, в каком оно применимо к промышленнику или коммерсанту, убивающему себя, для того чтобы избежать стыда и позора банкротства (Дюркгейм, Ильинский, 1994: 6).

Видно, что Дюркгейм отвергает такие внутренние факторы, как намерение или желание, в качестве имеющих значение для конечной идентификации природы поступка и он имеет для этого конкретные причины. Дюркгейм надеялся, что его определение самоубийства, избавившись от ментальных концепций, позволит разрешить отдельные случаи «научно» и «недвусмысленно» (Stern-Gillet, 1987: 168).

Подход Дюркгейма чрезвычайно расширяет определение самоубийства. Солдат не выбирает смерть и не стремится к ней. Промышленник же вне зависимости о того, считаем ли мы намерение умереть отсутствующим в контексте инструментальных смертей или нет, в каком-то смысле имеет смерть в фокусе внимания; за самоубийство он будет нести моральную, либо причинную ответственность. Приложенная к отдельным примерам смерти, эта интерпретация формулирует утверждения, которые, я уверен, у многих вызовут неоднозначную реакцию. Солдата, идущего в обреченное сражение, можно сравнить с солдатом, который прыгает на гранату, чтобы спасти сослуживцев. Последний не будет самоубийцей, потому что, вновь, смерть не играет для него определяющей роли, но лишь рассматривается в качестве потенциальной возможности достичь совершенно иной цели. Аналогичный вывод, как ни странно, может последовать из анализа действий террористов-смертников или японских пилотов камикадзе времен Второй мировой войны. Они относятся к типу солдат, не спасающих, но отнимающих жизни, для которых готовность умереть также не синонимична необходимости смерти⁶.

«СМЕРТЬ»/«САМОУБИЙСТВО»

Едва ли не самоочевидным выступает тот факт, что следствием

⁶Дэниел Хилл приходит к аналогичному выводу, но по причине того, что террорист-смертник и пилот камикадзе не выражают намерения умереть как цели, а значит, следуя определению автора, не совершают самоубийства: «...в конце концов, их цель [намерение] состоит в том, чтобы убить других людей, и эта цель все еще могла бы быть достигнута, если бы они чудом выжили» (Hill, 2011: 202–203).

самоубийства является смерть. Однако, так считают не все. Питер Виндт отмечает:

Но в случаях, когда попытка суицида (скажем, посредством выстрела) оборачивается достаточными для разрушения личности повреждениями мозга, или когда злоупотребление алкоголем или другими веществами (*drugs*) вызывает радикальное уничтожение памяти и характера, у нас возникает искушение говорить о самоубийстве, несмотря на то, что тело сохраняет свою жизнеспособность (Windt, 1980: 40).

В этом смысле биологическая смерть теряет статус неизбежности в определении самоубийства. Гэвин Фэйрберн сомневается, что факт смерти вообще имеет ключевое значение в акте самоубийства:

...согласно определению, которое я предлагаю..., является... поступок самоубийством или нет, зависит не от того, окажется ли индивид мертвым или живым, но от того, являлась ли смерть тем, что он желал или намеревался получить (Fairbairn, 1995: 58).

То есть если человек выражает намерение и желание умереть, то вне зависимости от конечного результата мы можем называть его самоубийцей:

...человек, который намеревается умереть, и чей поступок завершается смертью, может быть обозначен в качестве успешного самоубийцы, а тот, чей поступок не завершился смертью, будет неудачным или не-фатальным самоубийцей (*ibid.*).

Если суицид не обязательно должен закончиться смертью, а условия, которые приближают смерть, не должны быть вызваны самим субъектом, то:

...определения, согласно которым самоубийство имеет место в случаях, когда человек действует со знанием того, что его поступок вызовет его собственную смерть (Дюркгейм), таким образом, не могут уловить в каком смысле смерть выступает своего рода целью суицидального поведения (Cholbi, 2021).

Вне зависимости от намерений самоубийцы, я полагаю, что сама *попытка*, в той же мере, что и *неудачное* самоубийство качественно отличаются от акта самоубийства, который заканчивается смертью, и ошибочно ставить между этими событиями знак равенства. Вслед за Питером Виндтом будем считать, что смерть либо личности (*person*), либо организма (*organism*) является необходимым критерием самоубийства (Windt, 1980: 41).

«ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ НЕИЗБЕЖНОГО» И «ПРИНУЖДЕНИЕ»

Дэниел Хилл предлагает рассмотреть кейс о субъекте (А), который должен умереть из-за интенсивной кровопотери. Чтобы приблизить неизбежный исход, (А) насмерть пронзает себя спицей (*needle*). Как указывает Хилл, в этом случае (А) частично стал причиной собственной смерти, но с нашей стороны было бы абсурдно заявлять, что (А) совершил самоубийство. (А) лишь ускоряет неизбежную смерть; он бы умер в любом случае, вне зависимости от принятых им решений. То есть, убийство себя (*killling oneself*) является необходимым, но недостаточным условием для самоубийства (Hill, 2011: 195–196).

В указанном примере определяющую роль играет фактор *времени*, скоротечность событий, но не их видимая неотвратимость. Тут мы сталкиваемся с проблемой ускользания разграничительной линии, а именно, возникает вопрос: в какой момент убийство себя оказывается самоубийством? И на него едва ли найдется удовлетворительный ответ.

Предположим, человеку поставили роковой диагноз. Врачи прогнозируют, что болезнь вызовет смерть в течение полугода. Человек решает не тянуть с исходом и вешается. Является ли данная смерть самоубийством? По Хиллу ответ будет отрицательным, потому что своим поступком человек лишь *ускоряет* неизбежную смерть. Возможно, философы, придерживающиеся позиции Хилла, захотят возразить что пусть отделить *большое* количество времени от *малого* невозможно, тем не менее, близкая смерть отличается от достаточно удаленной и позволяет делать нам разные выводы. По моему мнению, такой ответ не выглядит убедительным. В обоих случаях смерть вызвана добровольными действиями самого человека, и то, что он лишь приближает неизбежное, радикально не меняет содержание поступка. Поэтому его смерть является самоубийством.

Джозеф Купфер идет еще дальше, когда допускает, что убийство себя из-за наличия смертельной болезни также не должно попадать под определение самоубийства. Он пишет:

В действительности не имеет значения, хочет ли он избавить своих родных или себя самого от нескольких недель страданий. Значение имеет то, что он не может контролировать факт смерти в ближайшее время, но способен выбрать каким образом умрет и как скоро это случится (Kupfer, 1990: 67–68).

По мнению автора, аналогичные соображения справедливы и для приговоренных к смертной казни:

...они просто исполняют волю государства, ускоряя собственную смерть посредством убийства себя⁷. Нам лучше называть такие случаи авто-эвтаназией (*auto-euthanasia*) или «ускорением смерти». Они не выбирали смерть в смысле наличия [выбора] других жизненных опций (*live options*). Скорее, умереть сейчас предпочтительней, нежели умереть скоро. Таким образом, для того чтобы действие было самоубийством, агент должен обладать довольно неопределенным периодом жизни (Kupfer, 1990: 68).

Купфер открыто признает, что нет ясной демаркации относительно того, насколько скорой и неминуемой должна быть смерть, чтобы она не считалась самоубийством. После этого он добавляет, что его концепция не может устранить все трудные или пограничные случаи. Так или иначе она позволит выявить природу обширного набора ситуаций. Этот функционал не является тем, что я хотел бы оспорить. Меня беспокоит сама концепция. Смерть от кровопотери или неизлечимого диагноза не зависит от воли, намерений, желаний или действий субъекта. В этом смысле, если субъект принимает решение взять положение дел в свои руки, то, хотя над ним не довлеет моральная ответственность, он все же физически значим для реализации собственной смерти в ее специфическом проявлении. Тягость и практическая безвыходность положения не устраняют возможности выбора, в какой бы редуцированной форме она не проявлялась. Предпочитая смерть здесь-и-сейчас *x*, несколько удаленной смерти *y*, человек этот самый выбор актуализирует, и я считаю, что именно на это прямое участие должно быть обращено наше внимание. Поэтому аналоги, предложенные Купфером в качестве замены термину самоубийство, в ситуациях «предотвращения неизбежного», а именно, упомянутые выше авто-эвтаназия и ускорение смерти, кажутся неточными и вызывают искушение задать понятный вопрос: в чем заключается разница? Мне не кажется, что замена одного понятия другим в сущности меняет содержание события, если вообще это делает. Как пишет сам Купфер:

⁷Это утверждение как минимум неточно. Ожидающий исполнения приговора в камере смертников преступник, который убивает себя в камере, едва ли «просто исполняет волю государства». Когда кого-то приговаривают к смерти, органы власти обеспечивают все необходимые условия, которые позволяют заключенному дожидаться исполнения приговора. Более того, если такой человек заболевает, то ему окажут медицинскую помощь только для того, чтобы затем поместить в прежние условия и в конце концов лишиться жизни. Воля государства заключается как раз именно в том, чтобы приговоренный не совершил самоубийство, а умер в заранее установленный момент и его смерть достигалась конкретным образом, скажем, через введение смертельной инъекции.

Я осознаю, что это [использование авто-эвтаназии и ускорения смерти вместо самоубийства] не будет соответствовать интуициям каждого и может выглядеть чрезмерно условным (Kupfer, 1990: 68).

И нечто подобное в концептуальном плане происходит, когда речь заходит о *принуждении*, как факторе, который, по мнению многих исследователей, препятствует тому, чтобы называть конкретную смерть самоубийством. Как отмечает Майкл Чолби, к определению самоубийства многие хотели бы добавить следующее условие: «*S* [субъект] не был принужден к *B* [суицид]» (Cholbi, 2021). Я считаю, что принуждению уделяется такое внимание, потому что оно, как это кажется на первый взгляд, устраняет человеческую автономию и привязывает конечный выбор агента к антагонистической внешней воле. В этом случае не имеет собственных причин умирать и выстраивает свои намерения вне зависимости от них. Принуждение не обязательно должно быть выражено в вербальной или письменной форме, подразумевающей прямую деятельность другого лица, но может диктоваться определенными обстоятельствами, в которых оказался человек. В качестве примера принуждения часто приводится уже знакомый нам случай шпиона, которого захватывает вражеская сторона и под угрозой пыток заставляет выдать конфиденциальную информацию. Если шпион, в стремлении избежать пыток и сохранить тайну, убьет себя, то самоубийством этот поступок считать нельзя, потому что он полностью зависит от протекающего извне принуждения.

Но, как отмечает Чолби, принуждение, по всей видимости, налагает на определение самоубийства такое требование, которое не может быть применено к другим типам действий (*ibid.*). Здесь имеется в виду следующее: человек, которого принудили говорить поздравительную речь на дне рождения, говорит поздравительную речь в не меньшей степени, чем если бы он совершал этот поступок добровольно; человек, которого принудили танцевать, танцует так же, как если бы он делал это согласно искреннему желанию. Попытка привязать обоснование природы действия к внешним обстоятельствам не выглядит очевидным и бесспорным решением. Принуждение, по-видимому, не меняет суть действия как такового, даже если оно влияет на то, оправданы ли их [людей] действия или заслуживают порицания⁸ (*ibid.*). В этом

⁸В своей более ранней работе Чолби высказывает идентичную мысль: «...то, что его цели или причины берут начало в государственном принуждении (*state's coercion*),

смысле и страдающий от острой боли человек *A*, и шпион *B*, который хочет избежать пыток, обладают идентичной причиной убить себя. И я не нахожу возможности оценивать положение *A* менее привязанным к неконтролируемым внешним обстоятельствам нежели положение *B*. Кроме этого, я согласен с тем, что, вне зависимости от условий принуждения, каждый в равной степени свободен (или несвободен) выбирать между доступными ему вариантами, даже если они, учитывая обстоятельства, сильно ограничены (Tolhurst, 1983: 114–115).

Условие принуждения не обладает необходимой степенью ясности, которая позволила бы находить ему точное и однозначное применение в контексте обсуждения понятия самоубийства. Стремление вводить такие критерии, как принуждение или время, чтобы превратить убийство себя в отличный от самоубийства тип действия, помимо всего прочего, зачастую содержат имплицитные мотивы, направленные на исключение из категории самоубийств смертей, которые вызывают сожаление или понимание, короче говоря, не воспринимаются (или не должны восприниматься) отрицательно. То есть, отдельные случаи самоубийств могут носить различный и неприложимый к другим случаям характер морального одобрения или осуждения, но не меняют от этого свой статус самоубийства, потому что моральная ответственность за совершаемый поступок нивелируется влиянием внешней среды⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенное выше обсуждение демонстрирует часть тех трудностей, с которыми вынуждена столкнуться всякая попытка установить концептуальные рамки самоубийства. Тем не менее, анализ ряда важных понятий и разнообразных кейсов, а также разбор разнородных позиций конкретных авторов, позволяет прийти к следующим выводам:

- (1) *Намерение*, как это кажется на первый взгляд, выражает осознаваемую субъективную убежденность человека относительно результата своего поведения, и, таким образом, позволяет позитивно утвердить конкретную смерть в качестве суицида; но при ближайшем рассмотрении проявляется уязвимость *намерения* перед лицом абстрактных контрпримеров, которые попросту размывают концептуальные рамки самоубийства.

похоже, не меняет того факта, что он умирает в результате преднамеренного самоубийства» (Cholbi, 2011).

⁹ «...когда нас принуждают, мы несем меньше моральной ответственности за то, что делаем, чем когда нас не принуждают» (Kupfer, 1990: 80).

- (2) Выход из этой ситуации заключается в необходимости: а) отнять как у намерения, так и у других видов интенции — воли, желания, стремления — статус необходимых или достаточных условий самоубийства; б) наделить этим статусом *смерть себя*, когда в данный момент она является абсолютно необходимым критерием удовлетворительности, либо успешности результата действия.
- (3) *Инструментальность смерти* является манипулятивным понятием в том смысле, что, при желании и в зависимости от целей, его можно использовать для интерпретации одной и той же смерти как самоубийства, и наоборот. При этом ни сугубо концептуальные, ни интуитивные соображения не мешают нам не обращать внимание на факт инструментальности при оценке отдельных кейсов.
- (4) Предложенное в статье определение самоубийства находит критерий, который составляет необходимое и достаточное условий самоубийства, и позволяет провести линию демаркации между самоубийством и не-самоубийством, оставляя позади логические противоречия и двусмысленность в утверждениях.

Хотя наивно полагать, будто предложенное здесь, как и в любом другом месте, определение самоубийства позволит достигнуть всеобщего консенсуса, важность этих усилий актуализируется сложившейся ситуацией. С тех пор как эвтаназия и ассистируемое самоубийство заняли прочное место в современном дискурсе, начиная со споров касательно их собственного статуса, самоубийство тысячами голосов откликается в моральной философии, политике, юридической мысли и медицине. Поэтому любое стремление прояснить содержание аргументов, позиций и точек зрения потенциально позволит избавиться от спутанности как в мысли, так и в практике.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А. О самоубийстве. — М. : Издательство МГУ, 1992.
- Доркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд / под ред. В. А. Базарова ; пер. с фр. А. Н. Ильинского. — М. : Мысль, 1994.
- Паперно И. А. Самоубийство как культурный институт. — М. : Новое литературное обозрение, 1999.
- Beccaria C. Suicide // On Crimes and Punishment and Other Writing / ed. by R. Bellamy. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — P. 83–87.

- Brandt R.* The Morality and Rationality of Suicide // *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy* / ed. by J. Donnelly. — New York : Prometheus Books, 1990. — P. 195–201.
- Cholbi M.* *Suicide : The Philosophical Dimensions.* — Peterborough, Ontario : Broadview Press Broadview Press, 2011.
- Cholbi M.* *Suicide* / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* ; ed. by E. N. Zalta. — 2021. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/suicide/> (visited on Mar. 17, 2023).
- Fairbairn G.* *Contemplating Suicide : The Language and Ethics of Self-Harm.* — London : Routledge, 1995.
- Frey R. G.* Did Socrates Commit Suicide? // *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy* / ed. by J. Donnelly. — New York : Prometheus Books, 1990. — P. 57–61.
- Graber G. C.* The Rationality of Suicide // *Suicide and Euthanasia : The Rights of Personhood* / ed. by S. Wallace, A. Eser. — Knoxville : University of Tennessee Press, 1981. — P. 51–65.
- Hill J. D.* What is It to Commit Suicide? // *Ratio.* — 2011. — Vol. 24, no. 2. — P. 192–205.
- Hume D.* *Of Suicide* // *Essays : Moral, Political, and Literary* / ed. by E. F. Miller. — Carmel : Liberty Fund, 1987. — P. 577–589.
- Kupfer J.* *Suicide : Its Nature and Moral Evaluation* // *The Journals of Value Inquiry.* — 1990. — Vol. 24, no. 1. — P. 67–81.
- Locke J.* *Two Treatises of Government.* — Cambridge : Cambridge University Press, 1988.
- O’Keeffe T. M.* *Suicide and Self-Starvation* // *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy* / ed. by J. Donnelly. — New York : Prometheus Books, 1990. — P. 117–135.
- Stellino P.* *Philosophical Perspectives on Suicide : Kant, Schopenhauer, Nietzsche, and Wittgenstein.* — London : Palgrave Macmillan, 2020.
- Stern-Gillett S.* *The Rhetoric of Suicide* // *Philosophy and Rhetoric.* — 1987. — Vol. 20, no. 3. — P. 160–170.
- Tolhurst W. E.* *Suicide, Self-sacrifice, and Coercion* // *Southern Journal of Philosophy.* — 1983. — Vol. 21, no. 1. — P. 109–121.
- Windt P. Y.* *The Concept of Suicide* // *Suicide : The Philosophical Issues* / ed. by M. Pabst Battin, D. J. Mayo. — New York : St. Martin’s Press, 1980. — P. 39–48.

Emeretli, H. S. 2024. "Sovremennyyu diskurs ob opredelenii ponyatiya 'samoubiystvo' [Modern Discourse on the Definition of the Concept of 'Suicide']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 8 (1), 168–187.

HARLAMPY EMERETLI

PHD STUDENT

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0009-0009-0421-3648

MODERN DISCOURSE ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "SUICIDE"

Submitted: June 05, 2023. Reviewed: July 27, 2023. Accepted: Jan. 09, 2024.

Abstract: The article discusses the conceptual framework of the concept of "suicide" and provides its philosophical definition. Continental philosophy has traditionally focused on the axiological and practical-ethical characteristics of suicide. The purpose of the article is to define and comprehend this phenomenon in the course of a polemic with the modern analytical philosophy of suicide. The article contests the assertion that it is impossible to give an unambiguous definition of suicide, in the process of its strict separation from other kinds of death; the definition of suicide is descriptive, not evaluative, that is, it does not postulate a priori morality or immorality of the act itself, its rationality or irrationality, justification or unjustification. The definition under discussion produces important logical implications and characteristics of suicide that may conflict with our original and culturally conditioned intuitions on the phenomenon. A clear theoretical definition can have a profound impact on further social thought, social policy, medicine, and legislation in the field of suicidology.

Keywords: Suicide, Intention, Coercion, Foresight, Instrumentality, Death.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-1-168-187.

REFERENCES

- Beccaria, C. 1995. "Suicide." In *On Crimes and Punishment and Other Writing*, ed. by R. Bellamy, 83–87. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berdyayev, N. A. 1992. *O samoubiystve* [On Suicide] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo MGU [Moscow State University].
- Brandt, R. 1990. "The Morality and Rationality of Suicide." In *Suicide: Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*, ed. by J. Donnelly, 195–201. New York: Prometheus Books.
- Cholbi, M. 2011. *Suicide: The Philosophical Dimensions*. Peterborough and Ontario: Broadview Press Broadview Press.
- . 2021. "Suicide." Ed. by E. N. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Accessed Mar. 17, 2023. <https://plato.stanford.edu/entries/suicide/>.
- Donnelly, J., ed. 1990. *Suicide: Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*. New York: Prometheus Books.
- Durkheim, É. 1994. *Samoubiystvo* [Le Suicide]: *sotsiologicheskii etyud* [étude de sociologie] [in Russian]. Ed. by V. A. Bazarov. Trans. from the French by A. N. Il'inskiy. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Fairbairn, G. 1995. *Contemplating Suicide: The Language and Ethics of Self-Harm*. London: Routledge.

- Frey, R. G. 1990. "Did Socrates Commit Suicide?" In *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*, ed. by J. Donnelly, 57–61. New York: Prometheus Books.
- Graber, G. C. 1981. "The Rationality of Suicide." In *Suicide and Euthanasia : The Rights of Personhood*, ed. by S. Wallace and A. Eser, 51–65. Knoxville: University of Tennessee Press.
- Hill, J. D. 2011. "What is It to Commit Suicide?" *Ratio* 24 (2): 192–205.
- Hume, D. 1987. "Of Suicide." In *Essays : Moral, Political, and Literary*, ed. by E. F. Miller, 577–589. Carmel: Liberty Fund.
- Kupfer, J. 1990. "Suicide: Its Nature and Moral Evaluation." *The Journals of Value Inquiry* 24 (1): 67–81.
- Locke, J. 1988. *Two Treatises of Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
- O'Keefe, T. M. 1990. "Suicide and Self-Starvation." In *Suicide : Right or Wrong? Contemporary Issues in Philosophy*, ed. by J. Donnelly, 117–135. New York: Prometheus Books.
- Paperno, I. A. 1999. *Samoubiystvo kak kul'turnyy institut [Suicide as a Cultural Institution]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Stellino, P. 2020. *Philosophical Perspectives on Suicide: Kant, Schopenhauer, Nietzsche, and Wittgenstein*. London: Palgrave Macmillan.
- Stern-Gillett, S. 1987. "The Rhetoric of Suicide." *Philosophy and Rhetoric* 20 (3): 160–170.
- Tolhurst, W. E. 1983. "Suicide, Self-sacrifice, and Coercion." *Southern Journal of Philosophy* 21 (1): 109–121.
- Windt, P. Y. 1980. "The Concept of Suicide." In *Suicide : The Philosophical Issues*, ed. by M. Pabst Battin and D. J. Mayo, 39–48. New York: St. Martin's Press.